

ДОРЕФОРМЕННАЯ ЗАПАДНОСИБИРСКАЯ ЮСТИЦИЯ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В ТРУДАХ В.А. ВОРОПАНОВА

В последнее время знания об истории отечественной судебной системы существенно умножились изданием трех монографических исследований кандидата исторических наук, заведующего кафедрой государственного управления, правового обеспечения государственной и муниципальной службы Челябинского института Уральской академии государственной службы, докторанта Института государства и права РАН Виталия Александровича Воропанова [1], [2], [3]. Каждая из этих книг, написанных примерно в одном исследовательском ключе, имеет самостоятельную ценность и свидетельствует о постоянном стремлении автора углубить и расширить проблематику научных изысканий, увеличить их доказательную базу. Исследователь опирается на большое количество разнообразных источников, среди которых очень солидно, особенно, в самой свежей монографии, представлены документы делопроизводства, извлеченные из двадцати двух центральных и региональных архивохранилищ.

Хотя интересы ученого все больше увлекают его вопросами юридического характера (работа 2008 г. позиционировалась им еще как «историческое исследование» [2; 19], а 2011 г. уже как «комплексное историко-правовое исследование» [3; 24]), весомость вклада написанных книг в историческую науку велика. Изучая суд в российской провинции, автор особое внимание уделяет институциональным изменениям, региональной специфике деятельности юстиции, составу судебного аппарата и правовому положению его работников, роли официального правосудия в обществе и пытается дать ответы на многие вопросы, стоящие перед современным историком.

Западносибирская юстиция считается одной из исторически сложившихся региональных систем правосудия, эволюция которой происходила в условиях «территориальной, хозяйственной, культурно-языковой разобщенности Сибири» [2; 587], когда «развитие сибирских провинций определялось военно-политическими и фискальными интересами самодержавия» [3; 176]. Наиболее важным судебным преобразованием изучаемого периода в регионе стала инициированная М.М. Сперанским реформа 1822 года. Ее вызвал, по мнению В.А. Воропанова, разгул чиновного произвола и с ней связана тогдашняя индивидуализация сибирского управления и права, которая в принципе вписывается в авторскую концепцию огосударствления российского суда.

В качестве признаков реализованной законодателем адаптации имперской судебной системы к специфике азиатского Зауралья («деятельность государственных учреждений приближалась к реальным потребностям управления и осуществления правосудия в макрорегионе» [3; 177]) выделяются упразднение совестных судов и передача их функций губернским судам, отмена выборов сельских заседателей в общие суды и введение в состав последних депутатов от Сибирского линейного казачьего войска, установление порядка апелляционного пересмотра дел представителей коренных народов в окружных судах с учетом местных правовых традиций.

К сожалению, насколько органично новая судебная система вписалась в местную жизнь и успешно функционировала, из текстов автора мы почти ничего не узнаем. Один из рецензентов его произведений профессор Оренбургского государственного университета С.В. Любичанковский, критикуя историографическую традицию «выпячивания негативных характеристик судостройства и правоприменения дореформенного Российского государства», усматривает в беспристрастии В.А. Воропанова разрушение «стереотипа о крайней неэффективности имперского правосудия» [4]. Конечно, исследователь должен избегать догматического усвоения устоявшихся истин, но не стоит оставлять читателя в неведении. Последний обнаружит в рассматриваемых трудах указания на проблемы, которые сопровождали деятельность реформированных судов в Западной Сибири, однако, сконцентрировать внимание на них из-за невысокой степени обобщений будет затруднительно, и многие важные выводы ему придется сделать самостоятельно. Подтверждается сказанное отсутствием заключений в главах прочитанных текстов.

Попытки одновременно изучить юстицию самых неодинаковых территорий и разновидностей, избыточность задействованных источников породили определенные сложности. Рецензент работы Виталия Александровича в 2008 г. Р.Г. Миннеханова справедливо замечает, что в исследовании западносибирский регион «растворяется» в числе прочих, а безмерно нагруженное массой фактического материала изложение зачастую отрывает от основной мысли рассуждений: «На наш взгляд, в работе смещен акцент с региональной проблематики на общероссийскую, в результате проблема развития и функционирования судебной системы Западной Сибири теряется на фоне анализа общеимперской тематики... Двояко можно отнести к чрезмерному использованию эмпирического материала. С одной стороны, автор не только приводит данные имперского законодательства, но и ссылается на архивный материал, обеспечивая более полное освещение проблемы. Но с другой стороны, чрезмерный эмпиризм отвлекает читателя от основной идеи монографии, затрудняет восприятие региональной специфики» [5]. К тому же явно не облегчает чтение слишком большой объем глав без разбивки их на параграфы.

Между тем, нельзя не согласиться с мыслью В.А. Воропанова о гибкости имперской судебной системы. Но эта вариативность зачастую пасовала при применении: законодатель варьировал лишь в рамках допустимых пределов определенной стадии общественно-политического развития, учесть все многообразие факторов жизни провинций, особенно Сибири, он не был способен, а роль, место и назначение судебной власти нередко определял «на глазок». Исследователь, изучающий, прежде всего, юридические вопросы, наверно и не намеривался до конца познать глубину той пропасти, которая пролегла по Уралу, и насколько столичный чиновник ориентировался и желал разбираться в сибирских делах.

Мог ли М.М. Сперанский, еще опальный, проводя ревизию управления края и готовя его реформу, реализовать там тогда уже известные и признанные передовыми принципы судостройства и судопроизводства, надо ли было ему усердствовать в названной деятельности? Ответ скорее отрицательный: как известно, реформатор боялся Сибири и рвался оттуда (один из его биографов указывал, что «войти глубоко, войти с любовью в сибирские дела, Сперанский не хотел»

и «все время мысли его были далеко от Сибири» [6]), а его реформизм заслужил разные, иногда крайне нелестные оценки (так, восточносибирский генерал-губернатор А.С. Лавинский говорил о нем: «Человек готовился лазить на колокольню и звонить в колокола, а ему поручили переделать край! Хорош реформатор!» [7]). Конечно, не могла Сибирь — «обширный острог» [3; 233-234; 8], место «исключительно для ссылки и наказания» [9], где, как выдавал членовредительский рецепт в 1836 г. томский губернатор Н.А. Шленев, «орудия наказания должны быть потяжелее, нежели во внутренних российских губерниях» [10], край, при добровольном отъезде в который с уезжающим прощались навсегда [11] — рассчитывать на правосудие прежде других регионов.

Судебная реформа 1822 г. стала продуктом определенных обстоятельств и времени. М.М. Сперанский, сделав ставку на бюрократическое регулирование, по мнению Н.М. Ядринцева, «слишком положился на одни официальные, коллегиальные учреждения и не обратил внимания на другие стороны общественной жизни, которые должны были способствовать администрации и питать самые учреждения» [12]. Суды не избавились от подчиненности условиям региона, а старые порядки, при которых много зависело от личности чиновника, его ответственности, деловых и нравственных качеств, не изменились. В.А. Воропанов неоднократно указывает на низкое качество западносибирского судебного персонала после преобразования, он представляет отдельные положительные и отрицательные примеры работы судебных учреждений [3; 233-234, 239, 245, 250]. Однако оценивать общее состояние реформированной юстиции ему и в данном случае не свойственно, несмотря на очевидную порочность судостроительства и судопроизводства, множество нареканий современников в их адрес. Вся «удовлетворительность» суда заключалась лишь в том, что рядом находилась еще в худшем состоянии полиция [13].

Показателем малоуспешной деятельности судебной системы может служить развитие сословной юстиции в крае. Исследователь специально изучает проблему закрытия городских судов и ратуш, считая мероприятия в этом направлении «одним из наиболее приемлемых путей оптимизации системы выборного управления и суда». Автор отмечает неудовлетворительное финансирование судебного ведомства, уделяет внимание крупным ревизиям управленческой и судебной системы Западной Сибири, произведенным в 1826-1827 гг. сенаторами Б.А. Куракиным и В.К. Безродным, в 1851 г. членом Государственного совета Н.Н. Анненковым, когда вскрылась полная несостоятельность западносибирского чиновного аппарата [3; 194-195, 198-201, 236, 250]. Таким образом, историк подводит читателя к мысли о кризисном состоянии дореформенной сибирской юстиции и необходимости ее преобразования, прежде всего, реализации судебной реформы 1864 г., проведение которой затруднялось нереальностью «введения выборных институтов мировых судей и присяжных заседателей» в регионе [2; 587].

Работы В.А. Воропанова — серьезное достижение и даже определенный прорыв в исторической науке. Монографии являются едва ли не первыми специальными исследованиями провинциального правосудия в дореформенной Российской империи, ими обозначен ряд направлений для будущего изучения феномена имперской судебной власти.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Воропанов В.А. Судебная система Российской империи на Урале и в Западной Сибири. 1780-1869 гг. Челябинск, 2005.
2. Воропанов В.А. Суд и правосудие в Российской империи во второй половине XVIII—первой половине XIX вв. Региональный аспект: Урал и Западная Сибирь (опыт сравнительно-сопоставительного анализа). Челябинск, 2008.
3. Воропанов В.А. Региональный фактор становления судебной системы Российской империи на Урале и в Западной Сибири (последняя треть XVIII—первая половина XIX вв.): историко-юридическое исследование. Челябинск, 2011.
4. Любичанковский С.В. Рецензия на монографию В.А. Воропанова «Суд и правосудие в Российской империи во второй половине XVIII—первой половине XIX вв. Региональный аспект: Урал и Западная Сибирь (опыт сравнительно-сопоставительного анализа)» // *Ab Imperio*. 2009. № 4. С. 385-390.
5. Миннеханова Р.Г. Рецензия на монографию В.А. Воропанова «Суд и правосудие в Российской империи во второй половине XVIII—первой половине XIX вв. Региональный аспект: Урал и Западная Сибирь (опыт сравнительно-сопоставительного анализа)» // *Вестник Омского университета*. 2010. № 1. С. 186-189.
6. Середонин С.М. М.М. Сперанский // *Русский биографический словарь*. Издан под наблюдением председателя Императорского Русского исторического общества А.А. Половцова. Т. 25. СПб., 1910. С. 237.
7. Очерки, рассказы и воспоминания Э... ва [Э. Стогова] // *Русская старина*. 1878. Т. 23. С. 526.
8. Исторический архив Омской области (далее — ИсаОО). Ф. 3. Оп. 3. Д. 3410. Л. 101 об.
9. Материалы, касающиеся последствий ревизии управления Западной Сибири, 1851 г. // Прутченко С.М. Сибирские окраины: областные установления, связанные с Сибирским учреждением 1822 г., в строе управления русского государства: историко-юридические очерки. Приложения. СПб., 1899. С. 371.
10. ИсаОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 1542. Л. 16 об.-17.
11. Воспоминания М.Д. Францевой // *Исторический вестник*. 1888. № 5. С. 382.
12. Ядринцев Н.М. Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении. СПб., 1892. С. 527.
13. Переписка А.Н. Муравьева // *Выдающиеся губернаторы тобольские и сибирские*. Тюмень, 2000. С. 319, 321.

Е.А. Крестьянников